

**ГАЛИНА
ЩЕРБАКОВА**

ТРИ ЛЮБВИ
МАШИ
ПЕРЕДРЕЕВОЙ

Галина Николаевна Щербакова

Три любви Маши Передреевой

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162584*

Вам и не снилось: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-35542-6

Аннотация

О чем бы ни писала Щербакова, все ее «истории» воспринимаются очень лично и серьезно. Как будто каждая из них произошла на самом деле: приехала в Москву Маша Передреева за легкими деньгами, а в итоге ребеночка родила, полюбил Ромка одноклассницу Юльку – и вот он, Шекспир! Две враждующих семьи не дают молодым соединиться даже ценой их жизни...

Галина Щербакова

Три любви Маши Передреевой

Когда Маша Передреева узнала, сколько *это* стоит в Москве, она не спала всю ночь. Лежала и думала: «Как хорошо, что я прочитала это своими глазами». Нет, действительно, скажи ей кто, так, мол, и так, *за это* дают сто рублей, она бы в лицо плюнула. Сто! Рублей! Да она кончит свое педучилище и будет работать месяц – месяц! – и не получит стюльник. А тут за столько-то там минут... И не балки таскать, не свиней кормить... Взять мать. В райисполкоме – инспектор по культуре. Сто пятьдесят у нее получается с командировочными. Так у нее от командировок – хронический цистит. Удобств же в деревнях никаких. Врач ей сказала: «Ольга Сергеевна! Это вам не шуточки – штаны снимать на морозе. Соображайте своей головой, что вам дороже – здоровье или престиж». Мать считает – престиж: ее весь район знает, без нее ни кино, ни культуры – ничего не было бы. «Я не за деньги работаю! – любит кричать. – Если мы пойдем по меркантильному пути, то неизвестно, куда дойдем...»

– А так – известно? – спрашивает Маша.

Она давно поняла: в матери очень часто кричат обида и бедность. Она доросла до своего жизненного потолка – и все.

Хоть тресни! Образование среднетехническое (мать – кино-механик), партийность, правда, длинная: ей сорок три, а в партии она двадцать пять, но она бестолковая, чтобы это умно употребить в дело. В матери много пены, как в огнетушителе: шумит, шумит, а реального результата никакого. Маша смотрит на нее и думает: не дай бог ей такую жизнь. Мужа нет, денег нет, здоровья нет. Вот что есть – квартира. Это правда. Двухкомнатная, с удобствами, на втором этаже, с телефоном. Что да, то да. Мать на квартиру молится. Сама она из барака, Машу водит туда, показывает. Мать там помнят. Все барачные как раз считают не так, как Маша. Они считают: мать многого в жизни добилась. «Да чего там я добилась!» – машет в этих случаях мать, а глаза у нее в этот момент так и играют, так и играют. Ей до зарезу надо, чтоб ей подробно рассказали про ее успех. Люди в бараке простые, идут навстречу. Ну, считай, Оля, сама, говорят они. Квартира твоя, во-первых. Целых две комнаты на двоих, не считая кухни, в которой тоже вполне можно жить, посмотри на нас на всех, и не считая ванной, в которой тоже можно жить, потому что вода ведь есть и на кухне. «Как у Райкина рассуждения», – смеется мать, но довольна при этом очень. Потом добрые барачные люди ставят матери в доблесть и то, что она в чистом ходит, а не вилами и граблями работает.

– А я никакой работой не гнушаюсь, – говорит им мать.

Напоследок ей выдают – исполком. Правда, плохое отношение к нему не скрывают, какими его только словами ни

обзывают, но лично мать деликатно обходят. «Ты, Оля, святой человек. Ты не знаешь, какие там бандиты и взяточники». Мать вскидывается: «Как вам не стыдно такими словами!» – а Маша абсолютно согласна. Она даже думает, что и мать согласна, потому что не идиотка же она? Но не для такого примитивного согласия ходит мать в барак... Она идет туда, когда у нее или потроха совсем загноятся, или начальник ей всыплет, или когда с ней, с Машей, поссорится почти что до крови, вот тогда мать надевает свое лучшее платье производства ГДР, цепляет сумку через плечо и идет на родину. И там ей приветливо скажут: «Оленька ты наша! Спасибо, ласточка, что не забываешь... А могла бы ввиду своего положения...» И мать начинает прямо ложками есть свое восхваление, заглушая, заедая обиды на жизнь. Миллион раз слышит одно и то же. И про квартиру, и про чистое. «Это у тебя, Олечка, платье импортное? У нас сроду так не сделают. Говенная ткань, правда, наша лучше, зато крой... А кнопочки? Каждая одна в одну». И про то, что исполком – власть. «Ты, Олечка, взятки не берешь, мы знаем... Но как ж ваши берут, это страх божий! Никого не боятся».

Маша мать жалеет и презирает. Иногда больше первое, чаще второе. Когда первое, то мечтает, как отвезет мать в Среднюю Азию, – там, слышала, есть курорт, лечит ее болезнь. Никаких денег не пожалеет на сухой для матери климат, и чтоб потом никаких командировок – от и до. Когда же случается второе, то думается так: тянет тебя, дуру, в барак,

вот и возвращайся туда насовсем. Там у них тоже есть престижные комнаты – в конце коридора, с двумя окнами, даже с маленькой прихожей. Вот и живи там! А я замуж выйду, у меня дети будут, а какой мужчина с тобой под одной крышей уживется? У тебя ведь, кроме слов, что всех мужиков – стрелять, других нету. Ну, постреляешь, дальше что? Хорошо тебе одной с циститом? Или не очень? Как будем голосовать – открыто или тайно? Мать на голосовании чокнулась. Она принципиально за открытое. За, как считает, честное. Когда-то давным-давно мать дошла до какого-то бюллетеня, ее хвалили-нахваляли, а потом оказалось – почти все вычеркнули из списка. Куда ее тогда выбирали? Маша это запомнить не может. Какой-то идиотский комитет... Но мать! Просто рухнула. Маша тут тоже не все понимает. Зачем они так ее хвалили, если хотели вычеркнуть? Представляет себя в такой ситуации, но ее тут же разбирает смех. Никогда никто ее никуда не выдвигал. На каждом собрании с раннего детства у нее спазмы от неудержимого хохота.

– Товарищи! Разрешите собрание считать открытым.

Все. Ее можно выводить. Мать ее таскала к врачам. Нашли нервы и прописали жевать на собраниях жвачку. Сейчас уже наша жвачка есть, а раньше надо было доставать. Мать ездила в область и у кого-то там перекупала... Сейчас Маша все эти смехи переросла. Но воспоминание в народе осталось, и ее не трогают. Сидит в самом конце, сосет леденец там, жвачку и занимается своим делом, переписывает песни. У

нее самый полный песенник в училище. Там все. И Пугачева, и Кузьмин, и Минаев, и Агузарова. Сейчас искусство сильное, не то, что раньше, считает Маша. Есть что посмотреть и послушать. Не то что материно время. Столбиком стояли придурки на сцене, руки по швам. Ни одного движения, не то что станцевать чечетку. Вондрачкова как зацокает копытцами, аж дух захватывает. А красивая какая? Голос тоже при ней. Нет, с искусством у нас порядок, еще б не мешали такие, как мать. Самое противное, что матери самой все эти народные хоры тоже рвотный порошок, но она их всюду насаждает, культивирует, поливает... А по телику только хор услышит, шелк на другую программу. И оправдывается: мол, на собаках Павлова доказано – человеку нужно разнообразие.

– Собаки от твоих хоров сдохли бы вообще, – говорит Маша.

Мать кричит, аж синеет. Хорошо, что две комнаты. Всегда можно закрыть дверь и громко включить радио. Советское радио матери не переорать.

* * *

Ну мозги, ну мозги! Маша аж вскочила с кровати. Что только не перемелют! Ведь она другим потрясена, она же об этой статье в газете думает, а повернулось все на мать, на барак. Однажды Маша так и сказала матери: «Ты слишком много занимаешь места в моей жизни». – «То есть?» – за-

орала мать. Этот ее ор... господи, с любого поворота.

Маша босиком, голая, пошла на кухню, чтобы попить воды. Прошла через материну комнату, та стонала во сне. Маленькая Маша боялась этих стонов, кидалась: «Мама, мамочка!» Получала от нее за то, что будила. Мать потом говорила, что ей ничего такого, чтоб стонать, не снится. Почему же она спит так странно, со всхлипыванием, скрежетом, метаниями? Муж ее, Машин отец, – мать сама об этом говорила – даже бил ее за это. Понять можно, думала Маша. Когда они жили во Дворце культуры в комнате для музыкальных инструментов, Маша ночами мать тоже ненавидела. Не уснешь же от этого у-у-у, а-а-а, о-о-о... Вот и сейчас... Маша во тьме пнула ногой кресло, кресло взвизгнуло, мать всхлипнула, на секунду притихла и пошла по новой.

В кухне у них на стенке висит зеркало, старое. Купили трюмо, а это куда девать? Крутили, вертели, повесили над кухонным столом. Хорошо получилось. Маша встала у плиты, отсюда себя хорошо в зеркало видно. Фигура у нее, конечно, не современная. У нее и грудь большая, и попа есть, но и талия тоже. Ноги тяжеловатые, но пряменькие-пряменькие, нож между колен не просунешь. Ступня с крутым подъемом, носочек вытянешь – блеск. Кожа у нее хорошая. Но не шелк, а бархат. Белая с розовым оттенком. А когда загар схватится, то так нежно-нежно желтеет. Еще живот у нее красивый. Такой весь овальный с глубоким пупком. На всем теле ни одного прыщика сроду... Конечно, лицо у нее хуже.

Рот большой, мясистый, впрочем, некоторым нравится! Накусаяешь губы, и не надо помады. Ценно. Вот глаза, правда, небольшие. Долбленные, как говорит бабка, в смысле глубоко сидящие. Но если положить синий тон на веки, а карандашом удлинить уголки на виски, то получается ничего себе разрезик. Египетский. Стильный. Маша много раз думала: а что бы не было косметики, как не было раньше? Мать говорит – обходились пудрой и помадой. Ну, это, может, и не так: кто обходился, а кто и нет. Материны слова на веру брать нельзя. Но сейчас, конечно, все равно много больше. И блеск, и тени, и тушь импортная. В общем, если за собой следить, не пропадешь. Вот что у нее высший класс – волосы. Не сеченые, пышные, как меховая шапка. Ничего с ними не надо делать, носи как есть. Цвет тоже натуральный, называется *helidraun*.

Маша повернулась к зеркалу спиной. Хороший поворот, сексапильный. Нет, и думать нечего. Она стоит *таких* денег. А значит, надо их получить. Она не идиотка, чтоб знать, где ее ждут сто рублей за раз, и не воспользоваться.

Мать вышла заспанная, не могла рукой найти выключатель в уборной.

– Что голяком стоишь?

– Значит, надо, – сказала Маша.

– Черти тебя носят! – Мать захлопнула за собой дверь в уборной и стукнула крышкой, а Маша подумала, что, когда она накопит денег, она сроду с матерью жить не будет. Еще

чего! Она вообще уедет в Прибалтику. Конечно, там русских не любят, но, с другой стороны, она против их женщин выигрывает. Тут вопросов нет, так что купит на взморье квартиру, а там будет видно... Замуж – не замуж... Когда у нее будут деньги, и разговор пойдет на деньги.

Мать вышла, пришла к ней, смотрит.

– Ну, что выставилась? Окно-то не задернуто...

– Пусть смотрит, кто не спит, – сказала Маша. – Пусть тому повезет.

– У меня фигура смолоду была лучше, – сказала мать.

– Прямо-таки! – возмутилась Маша.

Мать дает! Сняла ночную рубашку и голая стала рядом. Маша брезгливо отодвинулась, она чужую голость терпеть не может.

– Во-первых, я тебя поизящней, – сказала мать, разглядывая себя в зеркале. – На нас посмотришь – ты рожала, а не я.

– У тебя все дряблое, – ответила Маша.

– Дряблое! – заорала мать, согнула руку в локте и стала тыкать им в Машу, а потом вдруг скисла, увяла. – Совести у тебя нет, такое сказать матери. Ты ж вся из моих соков состоишь. В тебе ж моя сила и моя плотность... Сама родишь – тоже станешь дряблая, а тебе твоя дочка хамить будет.

– Во-первых, не рожу, – сказала Маша. – Это надо быть идиоткой, чтоб плодить нищих. А если рожу, то буду следить за собой, не опущусь...

– Ну и черт с тобой. – Мать уходила как-то равнодушно,

таща по полу рубашку, и Маша – она человек справедливый – отметила, что у матери ложбинка на спине красивая и задок опрятный, без мясов. Ноги тоже полегче Машиных. Мать сзади просто девчонка – конечно, если не смотреть на химический колтун на голове. Тут матери не повезло совсем. Волосы хуже некуда. Крашенные, травленные, сеченые, жидкие. Даже жалко стало мать.

– Еще ничего, годишься в употребление, – решила подбодрить мать Маша.

Мать замерла, потом повернулась и сказала беззвучно, но четко:

– Сучка... я!

В ней это иногда проявляется, народность происхождения – матерится до самых черных слов. Маша считает – последнее дело. Сама она – ну, зараза, дурак, ну, на крайний случай, падло – больше ничего не скажет. И не то что запрещает себе. Нет, просто слова эти у нее во рту не появлялись. Маша считала себя этим выше матери. Маша вообще считала себя интеллигенткой. Она ест левой. Хлеб берет рукой, а не вилкой. Со старыми женщинами здоровается первой, с мужчинами – никогда. «Спасибо», «пожалуйста» вставляет в речь регулярно. Пальцем на предметы не показывает и вот – не матерится. Девчонки в группе говорят:

– Ну, ты даешь! Да без этого слово – не слово...

– Унижать себя! – отвечает Маша.

Мать же – черноротая. Барак есть барак. Сказывается. Ма-

ша спокойно пройти мимо него не может. Даже если цветет сирень – а барак стоит весь в сирени, – все равно от него дух. Капусты, мыла, матрасов, вареного белья, кошек, мышей, перегара, много раз залитого водой газа, а главное – необъяснимого никакими словами, стойко держащегося при лютном морозе и сорокаградусной жаре запаха Барака Как Такового. Пахнут же шахтеры там, негры, медицинские сестры – каждый по-своему? Вот и барак имеет свой дух. В этом духе много чего концентрируется. Живет в этом духе и мат. Он там нормален, как нормальна в воде рыба. В воздухе – пыль. В навозе – червяк. Но то, что мать, уже много лет не живя там, временами звучит по-барачьи, это ее бескультурье. Маша ей на это всегда указывает.

– Ты, мама, хоть и инспектор по культуре, но ее у тебя маловато. Ты за собой следи.

– У тебя многовато, – отгавкивается мать.

Программа жизни намечалась такой. Маша на субботу-воскресенье едет в областной центр. Там есть свой «Интурист», свои гостиницы. Она попробует. Если дело пойдет, на лето рванет в Москву. Во всяком случае, надо быть круглым, квадратным, треугольным идиотом, чтобы не использовать этот шанс. Слава солдату Советской армии – терять ей уже нечего. Да и что за потеря? Ни кто потерял, ни кто нашел – не заметил.

К утру Маша все-таки уснула. Не слышала, как уходила на работу мать, не знала, что мать, стоя в кухне перед зеркалом

и глотая горячий чай, пыталась сообразить: чего это дочь ночью расхаживала по квартире голая? Мать слегка взволновалась. Ее как женщину и служащую исполкома беспокоила нынешняя молодежь. И пьет она, и курит, и наркотиками балуется. Ни в бога, ни в черта... Рожают – бросают... Сношения их не пугают абсолютно. Недавно в исполкоме им показали закрытую статистику на этот счет. Кошмар. Конечно, в Машке своей она уверена. Девка гордая. С понятием. Но тем не менее надо последить. Все-таки она уже сформировалась, могут возникнуть желания... Мать аж подавилась чаем. На нее нахлынул такой гнев, такая злость. Просто откуда-то из желудка поднялась, как рвота.

– Я ей дам желанья! Я ей захочу! – сказала мать себе в зеркало. – Я ей суровой ниткой, цыганской иглой причинное место зашью.

Сказала и успокоилась. Господи, с кем у нее может быть и где? Учится в педучилище, где ни одного парня. Даже среди преподавателей один мужик – физкультурник. Но ему скоро на пенсию, и у него заячья губа. Это уж если сто лет на необитаемом острове. Ходил тут к Машке бывший одноклассник, Витя Коршунов. Ничего мальчик, выдержанный, вежливый. Два месяца как забрали в армию и прямиком в Афганистан. Не дай бог, конечно. Мать его, продавщица обуви Нюся, ходит просто черная от горя и страха. Понять можно. Переписка с Машкой у них не идет. Она бы заметила. Так ведь ничего у них и не было – ну туда-сюда, в кино ходили. Один раз,

правда, обедал у них, она тогда вареники делала с вишнями. Такие удачные получились! Прямо мед! Пригласила:

– Садись, садись, какие церемонии.

Он очень стеснялся. Пришлось ему сказать:

– Да выплевывай ты косточки на блюдец! Стоит же! Не копи их во рту!

У Машки от гнева брови сдвинулись, так она чего-то разозлилась. Чего, спрашивается? Подавился бы парень. Мать сама не любит, когда в гостях дают что-нибудь неудобное, курицу, например. Все говорят – руками, руками ешь ее. Хорошо говорить, а брать все равно неудобно, опять же, если люди смотрят. Потом еще это горе – толстолобик. Сколько с ним мороки, пока отплюешься. Так что она на этого Витьку тогда ничуть не закипела. Нормальный, стыдливый парень. По нынешним временам – редкость.

Мать уходила на работу успокоенная. Правда, на лестнице опять увидела картофельные очистки. Это соседка, когда выносит мусор, вечно растрясет ведро. Она с ней имела объяснение:

– Вы, Чебрикова, не разбрасывайтесь. Это вам не свой дом, а государственный. Квартиру получили бесплатно. Так содержите, будьте любезны, в чистоте и порядке.

«Будьте любезны», – это она точно сказала.

– Извините, – ответила соседка и громко закрыла дверь. Ну что с такими людьми делать? Извинилась, а очистки остались. Так вот и живем.

В областной центр Маша приехала в полдень, до вечера надо было куда-то себя деть. Девчонки решили по магазинам, а Маша решила, что ей надо себя сохранить в порядке, чего в очереди не получится. В городе жила ее тетка, сестра отца. Отношения были чуть-чуть, но тут Маша решила: пойдет к ней. Правда, мать ей за это спасибо не сказала бы, так ведь кто ее сегодня спрашивает? Маша купила букет астрочек – свеженький такой, только срезанный, пять штук в нитке. Пошла. Тетка жила хорошо, в доме с лифтом, мусоропроводом, на седьмом этаже. Правда, вода у них шла только до четвертого. Имелось в виду, что поставят насос и будут качать, но так ничего и не поставили. Ночью струйкой набирается вода во все емкости. В ванную, ведра, бак на пятьдесят литров. Куда ни ступишь – везде запас воды. Любая майонезная баночка не пустует. От этого в квартире, конечно, сырость. Обои больше месяца не держатся, концами обвисают. А вообще квартира хорошая. Двустворчатые стеклянные двери, лоджия, все три комнаты отдельные. Тетка – врач по крови.

– Здравсте, тетя Шура! – сказала Маша и расплылась на всю возможную приветливость.

Тетя Шура стояла и смотрела на Машу и как не понимала, кто перед ней. Тогда Маша сунула вперед астры.

– Господи! – сказала тетка. – Я тебя не узнала. Ну ты и вымахала... Заходи, я на дежурство собираюсь.

«Хорошо, – подумала Маша. – Не очень ты мне и нужна».

– А дядя Коля где? – сладенько так спросила, снимая туфли и влезая в мужские тапки.

– Дядя Коля на рыбалке, с ночи.

– Как жаль, – сказала Маша, внутренне аж трясась от ликования. – А мальчишки?

– С ним, – ответила тетка. – Я их от школы освободила. Да ну ее! Пусть, пока погода, подышат воздухом. Да и мужиков немножко стреножат – дети все-таки, может, на какую бутылку меньше выпьют.

– Мы на экскурсию, – сказала Маша, – а я решила... Что я не видела на этой экскурсии? Сто раз эти боевые места... Решила к вам...

– Правильно решила, – неуверенно сказала тетка, – только мне на работу. Ты б написала или позвонила... Знаешь, в наше время лучше предупреждать.

– Я вас подожду, – предложила Маша.

– Я на сутки, – сказала тетка, но тут ей вдруг хорошо сообщилось. – Воду ночью посторожишь? Наберешь канистру? Только это надо после двенадцати...

Маша подумала, что она, конечно, не знает, где она будет после двенадцати. Но сказала твердо:

– Наберу.

– Тогда оставайся... – Тетка пошла на кухню, стала открывать кастрюльки, сковородки.

– Одни объедки, – вздохнула она. – Я без мужиков не го-

товлю. Озвереешь каждый день на троих... Но ты тут сама пошарься.

– Не беспокойтесь, – сказала Маша, – я чаю попью, и мне достаточно.

Уже передавая Маше ключи, тетка спросила:

– Отец не пишет?

Маша покачала головой.

– Мне тоже. Алименты уже кончились?

– В прошлом месяце...

– Ну да, ну да, – сказала тетка. – Я и забыла. А мать как?

– Нормально.

– И чего было не жить? – Тетка вздохнула, посмотрела на Машу и решила, что самое время ее поцеловать сразу за все – за астры, за то, что ей уже восемнадцать, за то, что помнит ее, тетку, и за паразита отца, которого где-то сейчас черти носят...

А Маша стала готовиться.

Нельзя было зря транжирить воду. Поэтому Маша налила чуток в тазик и брызнула туда по капельке из всех теткинских флаконов. Обтиралась медленно и тщательно. Одновременно планировала, куда денет первые сто рублей. Решила: положит на книжку. Вообще, надо по-умному копить, чтоб потом сразу приобрести что-то стоящее: шубу там натуральную или золотые вещи. Мать, конечно, ахнет: откуда деньги? Откуда? Но когда деньги уже будут, разговор с матерью получится легкий. С позиции силы.

– Ты многого добилась своей партийной честностью? – с сарказмом спросит ее Маша.

– А-а-а! – заорет мать. И будет орать, наливаясь красной, что сразу покажет: сказать матери нечего. Тут важно вовремя вставить это ключевое слово – «партийной». Маша к партии относится плохо. Еще хуже, чем к комсомолу. Это все трепачи, которые ни одному слову своему не верят, но дудят исключительно из стремления выскочить вверх. Партия у нас многоэтажная. Мать до смерти будет на своем первом этаже. А есть и такие, кто, к примеру, на двенадцатом. Маша засмеялась, протирая ваткой пальцы на ногах. На те этажи воду качают бесперебойно. Мать же злится, злится... Уже за сорок, а потолок – стальная балка. Никаких шансов продвижения вверх. Во-первых, объективно, мать – дура, во-вторых, мало образования, даже по анкете, в-третьих, шла бы в торговлю, где на любом месте выгодно. А то выбрала культуру! Ломаные инструменты и костюмы из пакли. Так вот, когда Маша станет богатой, мать может орать сколько угодно. Несчитово! Ори! Хоть тресни... Вообще, она тогда всех пошлет...

А дальше всех – просто к чертям на куличики – она пошлет Витьку Коршунова. Она просто пройдет мимо... когда он вернется из Афганистана. Нет, мимо не надо... Она остановится и поговорит с ним, но так, что он поймет свое место в этой жизни раз и навсегда.

Конечно, некоторое «спасибо» на сегодняшний день он

заслужил («Спасибо тебе, Витя! Служи Советскому Союзу!»). Маша теперь ничего не боится, хотя, если честно, она никогда и не боялась. Тогда, перед самым отъездом, уже стриженный, Витька в ногах у нее валялся. Она даже не ожидала от него такого. Тихий, смирный, почти размазня, «здрассте-пожалуйста», а тут такая страсть, так за ноги хватает, аж хрипит.

– Да господи! – сказала Маша. – Можно подумать, мне жалко...

Было немножко стыдно, немножко противно, немножко больно... Все чувства были какие-то мутные, поверхностные. Самое сильное ощущение было от покалывания стриженной Витькиной головы.

До того Витька говорил, что женится. «Хочешь, прямо завтра? Хочешь?» Потом он уже не говорил. Во всяком случае, про завтра. Перенес это дело на более поздний срок. Маша это сразу уловила и подумала: «Ах ты, зараза такая!» Но ничего не сказала, потому что ей и в дурном сне не виделось быть его женой. Это вариант для войны и конца света. Но отметить Витькино мгновенное отступничество – отметила. Он тогда слинял быстро. Говорил, что будет писать. «Ты смотри! Отвечай». – «Ага!» – ответила она. «Приходи завтра на вокзал», – предложил. «Ладно», – согласилась. Пошла случайно. Девчонки предложили: «А идемте на вокзал! Туда духовики пошли...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.